

СОДЕРЖАНИЕ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ	6
ГЛАВА I. О СЛОГЕ	25
Чистота слога	29
О точности слога	35
Богатство слов	38
Знание предмета	43
Сорные мысли	45
О пристойности	48
Простота и сила	52
О благозвучии	59
ГЛАВА II. ЦВЕТЫ КРАСНОРЕЧИЯ	66
Образы	69
Метафоры и сравнения	72
Антитеза	78
Concessio	81
Sermocinatio	85
Другие риторические обороты	87
Общие мысли	94
ГЛАВА III. МЕДИТАТИО	101
Поиски истины	103
Картины	117
О непрерывной работе	125
Схема речи	129

ГЛАВА IV. О ПСИХОЛОГИИ В РЕЧИ	133
Характеристика	134
Житейская психология	147
О мотиве	151
ГЛАВА V. ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ ОБРАБОТКА	
РЕЧИ	160
Юридическая оценка деяния	160
Нравственная оценка преступления	162
О творчестве	168
Художественная обработка	176
Идея	185
Dispositio	193
ГЛАВА VI. СУДЕБНОЕ СЛЕДСТВИЕ	196
О допросе свидетелей	196
О достоверности свидетельских показаний	231
О разборе свидетельских показаний	239
Об экспертизе	247
ГЛАВА VII. ИСКУССТВО СПОРА НА СУДЕ	253
Некоторые правила диалектики	254
Probatio	258
Refutatio	275
Преувеличение	285
Повторение	289
О недоговоренном	292
Возможное и вероятное	298
О здравом смысле	302
О нравственной свободе оратора	310
ГЛАВА VIII. О ПАФОСЕ	317
Рассудок и чувство	317
Чувства и справедливость	331

Пафос как неизбежное, законное и справедливое	341
Искусство пафоса.....	349
Пафос фактов.....	358
ГЛАВА IX. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ	366
Письменная работа и импровизация	366
О внимании слушателей.....	381
Несколько слов обвинителю	384
Несколько слов защитнику	392
ПРИМЕЧАНИЯ	406

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

«Искусство речи на суде» — так называется книга П. Сергеича (П. С. Пороховщикова), вышедшая в 1910 году, задачей которой является исследование условий судебного красноречия и установление его методов. Автор — опытный судебный деятель, верный традициям лучших времен Судебной реформы, — вложил в свой труд не только обширное знакомство с образцами ораторского искусства, но и богатый результат своих наблюдений из области живого слова в русском суде. Эта книга является вполне своевременной и притом в двух отношениях. Она содержит практическое, основанное на многочисленных примерах, наизидание о том, как надо и — еще чаще — как не надо говорить на суде, что, по-видимому, особенно важно в такое время, когда развязность приемов судоговорения развивается на счет их целесообразности. Она своевременна и потому, что в сущности только теперь, когда накопился многолетний опыт словесного судебного состязания и появились в печати целые сборники обвинительных и защитительных речей, сделались возможным основательное исследование основ судебного красноречия и всесторонняя оценка практических приемов русских судебных ораторов...

Книга П. С. Пороховщикова — полное, подробное и богатое эрудицией и примерами исследование о существе и проявлениях искусства речи на суде. В авторе попеременно сменяют друг друга восприимчивый и чуткий наблюдатель, тонкий психолог, просвещенный юрист, а по временам и поэт, благодаря чему эта серьезная книга изобилует живы-

ми бытовыми сценами и лирическими местами, вплетенными в строго научную канву. Таков, например, рассказ автора, приводимый в доказательство того, как сильно может влиять творчество в судебной речи даже по довольно заурядному делу. В те недавние дни, когда еще и разговора не было о свободе вероисповедания, полиция по сообщению дворника явилась в подвальное жилье, в котором помещалась сектантская молельня. Хозяин — мелкий ремесленник, — встав на пороге, грубо крикнул, что никого не впустит к себе и зарубит всякого, кто попытается войти, что вызвало составление акта о преступлении, предусмотренном статьей 286 Уложения о наказаниях и влекущем за собою тюрьму до четырех месяцев или штраф не свыше ста рублей. «Товарищ прокурора сказал: поддерживаю обвинительный акт. Заговорил защитник, и через несколько мгновений вся зала превратилась в напряженный, очарованный и встревоженный слух», — пишет автор. «Он говорил нам, что люди, оказавшиеся в этой подвальной молельне, собрались туда не для обычного богослужения, что это было особенно торжественный, единственный день в году, когда они очищались от грехов своих и находили примирение со Всевышним, что в этот день они отрешались от земного, возносясь к божественному; погруженные в святая святых души своей, они были неприкосновенны для мирской власти, были свободны даже от законных ее запретов. И все время защитник держал нас на пороге этого низкого подвального хода, где надо было в темноте спуститься по двум ступенькам, где толкались дворники и где за дверь в низкой убогой комнате сердца молившихся уносились к Богу... Я не могу передать этой речи и впечатления, ею произведенного, но скажу, что не переживал более возвышенного настроения. Заседание происходило вечером, в небольшой тускло освещенной зале, но над нами расступились своды, и мы со

своих кресел смотрели прямо в звездное небо, из времени в вечность...»

Можно не соглашаться с некоторыми из положений и советов автора, но нельзя не признать за его книгой большого значения для тех, кто субъективно или объективно интересуется судебным красноречием как предметом изучения, или как орудием своей деятельности, или, наконец, как показателем общественного развития в данное время. Четыре вопроса возникают обыкновенно пред каждым из таких лиц: что такое искусство речи на суде? какими свойствами надо обладать, чтобы стать судебным оратором? какими средствами и способами может располагать последний? в чем должно состоять содержание речи и ее подготовка? На все эти вопросы встречается у П. С. Пороховщикова обстоятельный ответ, разбросанный по девяти главам его обширной книги. Судебная речь, по его мнению, есть продукт творчества, такой же его продукт, как всякое литературное или поэтическое произведение. В основе последних лежит всегда действительность, преломившаяся, так сказать, в призме творческого воображения. Но такая же действительность лежит и в основе судебной речи, действительность по большей части грубая, резкая. Разница между творчеством поэта и судебного оратора состоит главным образом в том, что они смотрят на действительность с разных точек зрения и сообразно этому черпают из нее соответствующие краски, положения и впечатления, перерабатывая их затем в доводы обвинения или защиты или в поэтические образы. «Молодая помещица, говорит автор, — дала пощечину слишком смелому поклоннику. Для сухих законников это — 142 статья Устава о наказаниях, — преследование в частном порядке, — три месяца ареста; мысль быстро пробежала по привычному пути юридической оценки и остановилась. А. Пушкин пишет «Графа Нули-

на», и мы полвека спустя читаем эту 142 статью и не можем ею начитаться. Ночью на улице ограбили прохожего, сорвали с него шубу... Опять все просто, грубо, бессодержательно: грабеж с насилием, 1642 статья Уложения — арестантские отделения или каторга до шести лет, а Гоголь пишет «Шинель» — высокохудожественную и бесконечно драматическую поэму. В литературе нет плохих сюжетов; в суде не бывает неважных дел и нет таких, в которых человек образованный и впечатлительный не мог бы найти основы для художественной речи». Исходная точка искусства заключается в умении уловить частное, подметить то, что выделяет известный предмет из ряда ему подобных. Для внимательного и чуткого человека в каждом незначительном деле найдется несколько таких характерных черт, в них всегда есть готовый материал для литературной обработки, а судебная речь, по удачному выражению автора, «есть литература на лету». Отсюда, собственно вытекает и ответ на второй вопрос: что нужно для того, чтобы быть судебным оратором? Наличие прирожденного таланта, как думают многие, вовсе не есть неперемное условие, без которого нельзя сделаться оратором. Это признано еще в старой аксиоме, говорящей, что *oratores fiunt**(1). Талант облегчает задачу оратора, но его одного мало: нужны умственное развитие и умение владеть словом, что достигается вдумчивым упражнением. Кроме того, другие личные свойства оратора, несомненно, отражаются на его речи. Между ними, конечно, одно из главных мест занимает его темперамент. Блестящая характеристика темпераментов, сделанная Кантом, различавшим два темперамента чувств (сангвинический и меланхолический) и два темперамента деятельности (холерический и флегматический), нашла себе физиологическую основу в труде Фулье «О темпераменте и характере». Она применима ко всем говорящим пуб-

лично. Разность темпераментов и вызываемых ими настроений говорящего обнаруживается иногда даже помимо его воли в жесте, в тоне голоса, в манере говорить и способе держать себя на суде. Типическое настроение, свойственное тому или другому темпераменту оратора, неминуемо отражается на его отношении к обстоятельствам, о которых он говорит, и на форме его выводов. Трудно представить себе меланхолика и флегматика, действующими на слушателей исполненной равнодушия, медлительной речью или безнадежной грустью, «уныние на фронт наводящею», по образному выражению одного из приказов императора Павла. Точно так же не может не сказываться в речи оратора его возраст. Человек, «слово» и слова которого были проникнуты молодой горячностью, яркостью и смелостью, с годами становится менее впечатлительным и приобретает больший житейский опыт. Жизнь приучает его, с одной стороны, чаще, чем в молодости, припоминать и понимать слова Экклезиаста о «суете сует», а с другой стороны, развивает в нем гораздо большую уверенность в себе от сознания, что ему — старому испытанному бойцу — внимание и доверие оказываются очень часто авансом и в кредит, прежде даже чем он начнет свою речь, состоящую нередко в бессознательном повторении самого себя. Судебная речь должна заключать в себе нравственную оценку преступления, соответствующую высшему мировоззрению современного общества. Но нравственные воззрения общества не так устойчивы и консервативны, как писанные законы. На них влияет процесс то медленной и постепенной, то резкой и неожиданной переоценки ценностей. Поэтому оратор имеет выбор между двумя ролями: он может быть послушным и уверенным выразителем господствующих воззрений, солидарным с большинством общества; он может, наоборот, выступить в качестве изобличителя распространенных за-

блуждений, предрассудков, косности или слепоты общества и идти против течения, отстаивая свои собственные новые взгляды и убеждения. В избирании одного из этих путей, намеченных и автором, неминуемо должны сказываться возраст оратора и свойственные ему настроения.

Содержание судебной речи играет не меньшую роль, чем искусство в ее построении. У каждого, кому предстоит говорить публично, и особенно на суде, возникает мысль: о чем говорить, что говорить и как говорить? На первый вопрос отвечает простой здравый рассудок и логика вещей, определяющая последовательность и связь между собою отдельных действий. Что говорить — укажет та же логика, на основе точного знания предмета, о котором приходится повествовать. Там, где придется говорить о людях, их страстях, слабостях и свойствах, житейская психология и знание общих свойств человеческой природы помогут осветить внутреннюю сторону рассматриваемых отношений и побуждений. При этом надо заметить, что психологический элемент в речи вовсе не должен выражаться в так называемой глубине психологического анализа, в разворачивании человеческой души и в копаньи в ней для отыскания очень часто совершенно произвольно предполагаемых в ней движений и побуждений. Фонарь для освещения этих глубин уместен лишь в руках великого художника-мыслителя, оперирующего над им же самим созданным образом. Уж если подражать, то не Достоевскому, который буравит душу, как почву для артезианского колодца, а удивительной наблюдательности Толстого, которую ошибочно называют психологическим анализом. Наконец, совесть должна указать судебному оратору, насколько нравственно пользоваться тем или другим освещением обстоятельств дела и возможным из их сопоставления выводом. Здесь главная роль в избрании оратором того или другого пути принад-

лежит сознанию им своего долга перед обществом и перед законом, сознанию, руководящемуся заветом Гоголя: «Со словом надо обращаться честно». Фундаментом всего этого, конечно, должно служить знакомство с делом во всех его мельчайших подробностях, причем трудно заранее определить, какая из этих подробностей приобретет особую силу и значение для характеристики события, лиц, отношений... Для приобретения этого знакомства не нужно останавливаться ни перед каким трудом, никогда не считая его бесплодным. «Те речи, — совершенно справедливо указывает автор, — которые кажутся сказанными просто, в самом деле составляют плод широкого общего образования, давнишних частых дум о сущности вещей, долгого опыта и — кроме всего этого — напряженной работы над каждым отдельным делом». К сожалению, именно здесь чаще всего сказывается наша «лень ума», отмеченная в горячих словах еще Кавелиным.

В вопросе: как говорить — на первый план выступает уже действительное искусство речи. Пишущему эти строки приходилось, читая лекции уголовного судопроизводства в Училище правоведения и в Александровском лицее, выслушивать не раз просьбу своих слушателей разъяснить им, что нужно, чтобы хорошо говорить на суде. Он всегда давал один и тот же ответ: надо знать хорошо предмет, о котором говоришь, изучив его во всех подробностях, надо знать родной язык, с его богатством, гибкостью и своеобразностью, так, чтобы не искать слов и оборотов для выражения своей мысли и, наконец, надо быть искренним. Человек лжет обыкновенно трояким образом: говорит не то, что думает, думает не то, что чувствует, то есть обманывает не только других, но и самого себя, и, наконец, лжет, так сказать в квадрате, говоря не то, что думает, и думая не то, что чувствует. Все эти виды лжи могут нахо-

дить себе место в судебной речи, внутренне искажая ее и ослабляя ее силу, ибо неискренность чувствуется уже тогда, когда не стала еще, так сказать, осязательной... Знаменательно, что Бисмарк в одной из своих парламентских речей, характеризуя красноречие как опасный дар, имеющий, подобно музыке, увлекающую силу, находил, что в каждом ораторе, который хочет действовать на своих слушателей, должен заключаться поэт, и, если он властелин над своим языком и мыслями, он овладевает силою действовать на тех, кто его слушает. Языку речи посвящены две главы в труде П. С. Пороховщикова, со множеством верных мыслей и примеров. Русский язык и в печати, и в устной речи подвергается в последние годы какой-то ожесточенной порче... Автор приводит ряд слов и оборотов, вошедших в последнее время в практику судебного разбирательства без всякого основания и оправдания и совершенно уничтожающих чистоту слога. Таковы, например, слова — фиктивный (мнимый), инспирировать (внушать), доминирующий, симуляция, травма, прекарность, базировать, варьировать, таксировать (вместо наказывать), корректив, дефект, анкета, деталь, досье (производство), адекватно, аннулировать, ингредиент, инсценировать и т. д. Конечно, есть иностранные выражения, которые нельзя с точностью перевести по-русски. Таковы приводимые автором — абсентеизм, лояльность, скомпрометировать; но у нас употребляются термины, смысл которых легко передаваем на русском языке. В моей судебной практике я старался заменить слово *alibi*, совершенно непонятное огромному большинству присяжных, словом инобытность, вполне соответствующим понятию *alibi*, и название заключительного слова председателя к присяжным — резюме — названием «руководящее напутствие», характеризующим цель и содержание речи председателя. Эта замена французского слова *resume*, как